

ИСТОКИ ПОСТСОВЕТСКОЙ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Усманов Рафик Хамматович, доктор политических наук, профессор, Астраханский государственный университет, Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, E-mail: usmanr@mail.ru

В статье дан анализ генезиса политических партий постсоветского периода в российском обществе и определено, какое место они занимали в политической системе в период трансформации государства. На основе классических определений ведущих ученых политологов о роли и месте политических партий в государстве дается сравнительный анализ деятельности партий в данный период. Рассматриваются различные аспекты становления многопартийной системы российского общества и его эффективность в развитии гражданского общества. Автором показана идеологическая эклектичность, сменившая коммунистическую идеологическую монополию и политический плюрализм 1990-х гг., который привел к уникальному во всех отношениях сплаву авторитарных традиций и суверенных демократических инноваций, существенным образом отличающий Россию от многих Восточных и Западных стран. В исследовании утверждается, что в политической партийной борьбе и продолжается применение т. н. пресловутого « административного ресурса», а не ресурса самих политических партий. Последние общенациональные избирательные кампании наглядно продемонстрировали тенденцию постепенного превращения выборов в административно-регулируемую и контролируруемую процедуру обеспечения преемственности власти. Сделан вывод, что дальнейшая либерализация и демократизация партийного строительства в России напрямую будет зависеть от зрелости гражданского общества.

Ключевые слова: политическая партия, государство, гражданское общество, партийная элита, политическая система, идеология, демократизация, либерализация, административный ресурс, выборы.

ORIGINS OF POST-SOVIET PARTY SYSTEM TODAY

Usmanov Rafik Kh., D.Sc. (Policy), Professor, Astrakhan State University, 20a Tatishcheva Str., Astrakhan, 414056, Russian Federation, E-mail: usmanr@mail.ru

The paper analyzes the genesis of political parties in the post-Soviet Russian society and determined the place they occupy in the political system during the transformation of the state. On the basis of the classical definitions of leading scientists partologs the role and place of political parties in the country provides a comparative analysis of the parties in the period. Various aspects of the formation of a multiparty system of the Russian society and its effectiveness in the development of civil society. The author shows the ideological eclecticism, which replaced the communist ideological monopoly and political pluralism of the 1990s., which led to a unique in all respects alloy authoritarian traditions and sovereign democratic innovation differ significantly from many Russian Eastern and Western countries. The study argues that the political party struggle and continue to apply the so-called the notorious « administrative resource» rather than a resource political parties themselves. The last general federal election campaigns have demonstrated a tendency of gradual transformation of election administrative procedures are controlled and monitored to ensure the continuity of power. It was concluded that further liberalization and democratization of the party building in Russia will directly depend on the maturity of civil society.

Keywords: political party, the government, civil society, the party elite, the political system, ideology, democratization, liberalization, administrative resources, election

В период современных политических процессов на фоне изменяющегося геополитического положения регионов, блоков и союзов государств в целом неизменным остается политическая система общества с определенным набором ее составляющих элементов. Вместе с государством как основным институтом системы, как отмечает в своей работе «Политическая система» Дэвид Истон, одним из неотъемлемых ее элементов является политическая партия [7, с. 629–642].

Партия, как известно, общественная политическая организация, которая борется за власть или за участие в осуществлении власти. Сартори Дж. определяет это как «команды людей, стремящихся контролировать государственный аппарат путем приобретения должностей на надлежащем образом организованных выборах» [17, с. 63]. Деятельность их на политической сцене (если это конкурирующие организации) предполагает высокий уровень зрелости общественных отношений и, прежде всего, зрелость и активность самого общественного политического сознания и политической культуры. Именно «гражданская культура», как отмечал Г. Алмонд наиболее ярко характеризует политическую систему общества и политический режим этого государства [1, с. 27]. Все эти факторы, вместе с тем, способствуют становлению и развитию гражданского общества. Чаще всего партия понимается как форма организации политически активного меньшинства, что непосредственно указывает на взаимосвязь партии (как политического института) с политическими элитами власти и оппозиции.

Сегодня одна из задач, как политологов, обществоведов, так и политиков заключается в том, чтобы определить роль и тенденции развития политических партий в политическом процессе современной России при формировании основ гражданского общества в непростых условиях кризисных явлений социально-экономической системы. Очень важным и актуальным становится выдвигание и образование партийных элит и взаимоотношения их и партий в целом с властью в центре и на местах, вопреки существующему сегодня их отрыву от масс населения [10, с. 170–183]. Формирование партий было всегда довольно длительным и сложным процессом. Они прошли путь от массовых организаций до универсальных партий. Было время эффективной деятельности многопартийной системы. Время показывает, что в зависимости от

социально-экономического уровня развития государства, ее режима и эффективности гражданского общества выстраивается соответствующая партийная система общества. Сегодня, по сути, мы пришли к первоначальному ее виду основной деятельности – когда-то на заре их появления партийные организации активно действовали только в период избирательных кампаний. Они не имели постоянно действующих местных организаций [8, с. 40–41].

На практике повсеместно признается общий факт, то что присуще современным политическим партиям и что отличает их от партии начала первой половины XIX в., – наличие постоянно действующего партийного аппарата, т.е. организованной группы людей, для которой партийная, политическая деятельность является профессией. Структура партийного аппарата отвечает, прежде всего, задачам ведения избирательной борьбы. Классики партологии А. де Токвиль, М. Я. Острогорский, М. Вебер, Р. Михельс, М. Дюверже [14] и др. достаточно подробно изложили это в своих трудах. На опыте деятельности передовых государств (США, Франции, Великобритании, России), где партии имели в разной степени влияние на политические процессы, они (авторы) предостерегали от тех перекосов в партийном строительстве, которые имели там место. М. Дюверже отмечает: «Современная партия – это партия, способная реализовать всеобщее избирательное право и завоевать парламентское большинство путем нормального использования институтов демократического общества» [6, с. 4].

Демократизация и становление партийной политики в странах посткоммунистической Восточной Европы и бывшего Советского Союза открыли уникальную возможность проследить процесс организационного развития партий и проверить справедливость некоторых устоявшихся положений теории партийного строительства и дать современную оценку этому на примере трансформационных процессов современного российского общества.

Активизация политических партий всегда приходится на пробуждение гражданского населения и широкое (плюралистическое) распространение открытых (неортодоксальных) политических идеологий. В 90-е гг. XX столетия Россия как раз попала в полосу подобного рода изменений, которые и повлекли за собой активизацию вышеуказанных факторов. Если до августа 1991 г. политические процессы, происходившие тогда в СССР, протекали под воздействием одной и единственной партии (КПСС), то с падением ее монополии Россия перешла в новую фазу своего политического развития, которую можно назвать «периодом первоначального накопления капитала» многопартийной системы. Многопартийность стала отражением начавшегося процесса демократизации российского общества. Парламентаризм стал придавать цивилизованный характер российскому партийному плюрализму и ускорил этот процесс. Для понимания особенностей формирования российской модели многопартийности очень важно исследование региональных процессов. Актуальность данной проблемы определяется ролью регионов и действующих в их рамках партий и парторганизаций, провинциальной экономикой, региональными лидерами. Сегодня, в первые десятилетия XXI в., если обратить внимание на региональное партийное строительство и на политические процессы, связанные с борьбой партий за власть на местах, то можно выявить логическое продолжение того интереса, которое характеризует партогенез и партийную жизнь федерального (общенационального) уровня в жестком традиционалистском режиме вертикали власти [15].

Правовое регулирование политических партий, как и других возникающих общественных институтов, долгое время отставало (а в России и сейчас отстает) от их действительной роли в обществе. «В нашей стране, несмотря на трехкратную за последнее столетие трансформацию политической системы, сохраняется монархическая власть (в идеально-типическом смысле). Подтверждением этому тезису, – отмечает российский политолог И. И. Глебова, – является история современной партии власти. В ней как в капле воды отразилась неизменная и не изменившаяся природа русского кратоса» [3, с. 213].

Практика оставшихся на современной российской политической арене партий показывает их идеологическую расплывчатость и неопределенность, которая проявляется в отсутствие четко прописанных идеологических норм и принципов этих организаций. Идеологическая эклектичность, сменившая коммунистическую идеологическую монополию и политический плюрализм 1990-х гг. являются следствием не совсем удачных попыток демократизации российского общества типа «суверенной демократии». Плюрализм в решении партиями идеологического вопроса в значительной степени отражает современную дифференциацию общественных отношений к режиму власти, государственному устройству и т.д. Партии весьма поверхностно формулируют свои политические идеологии, опасаясь повторения идеологического терроризма эпохи тоталитарного режима. Пути и средства, которые избирают партии в поисках своих идеологических направлений, целиком зависят от самой власти и вследствие этого от выбранного стиля руководства ими их лидеров. Партийные элиты в большей степени заняты вопросами благоустройства аппарата, финансового обеспечения и существования своих партий, чем поиском новых идеологических констант. В силу этого сама идеология в современной политической действительности теряет свою востребованность обществом, становится неактуальной. В настоящее время никто из серьезных политиков уже всерьез не отстаивает свою идеологию, средствами идеологии и во имя самой идеологии. Идеология окончательно перешла в политическую риторичку. Все это позволяло еще в начале 2000 гг. выдвинуть аналитикам Центра политической культуры и политического участия ИСПИ РАН гипотезу о слабости и подвижности идейно-политической дифференциации в нашем обществе, условности любых критериев создания тех или иных партийных образований. «Основанием для политического выбора, совершаемого людьми, служат, вероятно, не программные положения партии, а чаще всего ориентация на какую-то конкретную личность. Отчетливо выраженной тенденцией последних лет в электоральном поведении россиян стала ориентация не на программы, а на властные полномочия кандидатов, что вполне соответствует традициям российской политической культуры» [2, с. 75-76]. Это подтверждается интервью того времени некоторых лидеров региональных партийных организаций. «...без программы нормальная партия существовать не должна. Наличие идеологической программы – это один из признаков партии. Но в нашей стране

бывают ситуации, когда только что организованный блок за месяц до выборов без партийной программы, кроме строчки «мы поддерживаем первое лицо государства», может занять большинство в Думе. Но это метаморфозы нашей политической системы» [2, с. 76]. В отличие от представителей КПРФ, «Яблока» и СПС региональные лидеры других партий того времени («Единства» и «Народного депутата») откровенно заявляли уже тогда о своей «деидеологизованности, о том, что они представляют интересы не каких-либо групп общества, а «широких слоев населения», «большинства народа» [2, с. 76–77].

Сегодня функционеров от политических партий в большей мере волнует вопрос сохранения, удержание своего аппарата и определения главного фарватера партии, а не рекрутирование политических элит, и не вопрос идеологического обоснования существования самих организаций. Многие партии, напротив, демонстрируют явное пренебрежение к своей идеологии, считая ее даже иногда помехой в деле прихода их к власти. Взаимоотношения партии и власти, точнее отбор и субъективное рекрутирование политических лидеров, становится первоочередным вопросом развития всей партийной системы в условиях кризиса и неразвитости гражданского общества. К сожалению, в России все политические партии, за исключением «Единой России», которая, фактически представляет собой «партию власти» или «организацию административного ресурса», практически не влияют на процесс государственного строительства и управления. Политическая инженерия так и не пришла в политическую практику партий, а, следовательно, возникают известные проблемы между партиями и электоратом в процессе становления российского гражданского общества (реализация предвыборных программ, систематическая отчетность перед населением, влияние местных партийных организаций на исполнительные органы власти и т.д.).

Дело в том, что, российская политическая действительность настоящего времени характеризуется как уникальный во всех отношениях слав авторитарных традиций и суверенных демократических инноваций, существенным образом отличающий Россию от многих Восточных и Западных стран, прошедших или еще находящихся в аналогичном процессе. На это, в частности, указывает тот факт, что стиль политического руководства в России претерпел незначительные изменения от своего авторитарного режима. Остались слегка модифицированными тактика и стратегия политического менеджмента, а многопартийная система так реально и не выстроилась, а роль партий все еще чревата различного рода локальными и глобальными катаклизмами. Не вполне еще определилась роль и отношения политических партий с другими структурами гражданского общества. Интенсивность их развития ожидалось (по высказываниям политических руководителей страны) в первые десятилетия XXI в., в эпоху постиндустриального развития России. Однако современные политические процессы и события последнего времени в мире, в Западной Европе, в соседних государствах ближнего зарубежья, особенно в Украине не дают оснований для подтверждения таких прогнозов. Поэтому в настоящее время мы можем констатировать ограниченность и пассивность политических партий в деле формирования основ гражданского общества.

В конце XX в. «партия власти» в политической системе нашего общества в период ее трансформации была основным составляющим формированию российской многопартийности. Но «с моей точки зрения, писала И. И. Глебова, системообразующий элемент этого феномена – Власть; его природа – не партийная, а властная» [3, с. 214]. «Партия власти – публичный инструмент «непубличной» Русской Власти». Далее автор констатирует, что «Единую Россию» упекают в отсутствии программ». И здесь же она (автор) отвечает: «У нее и не должно быть «партийной» программы. ... Современной партии Власти нет нужды в разработке и предъявлении обществу «идеологии» ... Поэтому не правы те ее лидеры, что заботятся о программе партии и предъявлении обществу инициатив социального порядка. Это прерогатива Власти. «Партийцы» в России не вызывают доверия общества. Поэтому, зачем тратить «ресурс» на заведомо провальные проекты?» [3, с. 221].

Сегодня просматриваются возросшая в последнее время тенденция усиления властной вертикали, которую некоторые политические аналитики склонны воспринимать как «реставрацию авторитаризма». Рецидив авторитаризма (в его умеренном, «либеральном» виде) возможен, особенно в странах с неустойчивейшей (слабо развитой) демократией. Авторитарные тенденции у правящей элиты России могут в целом привести к кризису самой многопартийной системы, что негативно скажется на развитии самой демократии [4]. На этом фоне становится очевидным, что становление многопартийности в России 1990-х гг. шло по своему, отличному от Запада пути развития, который, в частности, показал наличие гражданской политической активности со стороны различных элитных групп и апатию со стороны подавляющего большинства рядовых россиян. Россияне до сегодняшнего дня с апатией относятся к большинству политических партий, так как их участие в партийном движении никогда не носило массового характера вследствие бездействия к их интересам. Так, согласно исследованиям Института сравнительной политологии РАН отмечалось, что «главными субъектами политики являются не партии, а корпоративно-отраслевые и региональные элиты, лоббирующие свои интересы во власти, минуя политические партии» [2, с. 61]. Реальная политика осуществляется, как констатировал российский политик В. Рыжков, «не через партии, а через другие схемы и институты (корпоративные, криминальные, клановые). Партии, при этом, оказываются, системно не востребованы [2, с. 61]. Эта невостребованность политических партий как института подтверждается результатами проведенных опросов и интервью – как на макро-, так и на микроуровнях. В начале 2000-х гг. более половины респондентов (58 %) считали, что существующие в России партии приносят больше вреда, чем пользы, тогда как противоположной позиции придерживались только 38 % ответивших [2, с. 61–61]. «Очевидно, отмечается в данной работе, что в общественном сознании в целом сложился сугубо негативный образ существующих в России политических партий (один из респондентов справедливо назвал их «псевдопартиями»). По мнению большинства респондентов, они не осуществляют функцию представительства интересов определенных общественных групп, а выражают лишь собственные, корыстные интересы, «решают собственные проблемы» [2, с. 65–66]. К концу первого десятилетия 2000-х гг. треть опрошенных (32 %) полагали, что политические партии не слишком важны для нашей

страны. Четверть (27 %), напротив, склонялись к мнению о существенной роли политических партий в жизни российского общества. Еще 23 % считают, что подобные образования в нашей стране не имеют практически никакого значения (по сравнению с 2006 г., доля таких респондентов снизилась на 5 %) [12].

Таким образом, более половина российского населения не изменила своего мнения за последние годы. Поэтому установление властной вертикали находит неоднозначный отклик в общественно-политическом мнении населения. Надежды на обновленную власть уже вызвали неожиданно резкий рост общественного оптимизма у сторонников государственной номенклатуры. Поэтому, видимо, Президент России В. В. Путин вышел в свое время с инициативой создать Общественную Палату, которая должна была остудить оптимистические настроения чиновников. Однако из-за неэффективности этого органа сегодня руководитель государства поддерживает в большей степени деятельность другой организации, являясь его лидером, неформального органа «Общероссийский Народный фронт». Подобная ситуация стала серьезно затруднять партийное структурирование общества в современном духе. Парадоксально, но некоторые партии как автономный политический субъект превращаются во вспомогательные политические орудия исполнительной власти. Принципиальным отличием партий нового типа от традиционных является не борьба за увеличение членства партийных рядов, а погоня за голосами своих избирателей в период выборных кампаний.

Еще одним препятствием на пути формирования настоящих партий является изменение избирательной системы (лоббированное видными представителями администрации), предполагающее регулируемое голосование по партийным спискам, назначение губернаторов, мэров, глав муниципальных образований. Остается надеяться, что центральная власть сможет предотвратить предстоящий негатив и социальные катаклизмы в столь непростое время и все же она осознает, что такое преобразование объективно не противоречит ее интересам, так как в этом случае ей будет что противопоставить влиянию региональной бюрократии в период выборов.

В политической партийной борьбе также и продолжается применение так называемого пресловутого «административного ресурса», а не ресурса самих политических партий. Последние общенациональные избирательные кампании наглядно продемонстрировали тенденцию постепенного превращения выборов в административно-регулируемую, фальсифицируемую и контролируемую процедуру обеспечения преемственности власти. Они, по сути дела, завершили этап политической жизни, характеризовавшийся частичной реорганизацией политической элиты в центре и на местах, адаптацией ее к новым условиям и поиском действенных методов, позволяющих контролировать изменения.

В свою очередь это указывает на то, что: 1) ни одна партия самостоятельно не может справиться с мощью российской бюрократической машины и 2) сама российская бюрократия высших эшелонов власти успешно манипулирует институтом партии в своих интересах, совершенно не заботясь о престиже и авторитете так называемой «партии(й) власти» и партийной системы в целом. Местные власти располагают широким арсеналом воздействия на результаты выборов. Если умело применить все перечисленные технологии, то успех бывает гарантирован. Развитие истоков многопартийности в России в 1990 – начала 2000-х гг., к сожалению, не шло параллельно развитию основ российского гражданского общества. Государственной власти удалось «развести» эти два процесса, в результате чего сегодня произошло новое усиление российской бюрократии. Этот факт во многом стал ключевым в деле оторванности большой массы россиян от политических партий и самих партийных элит от масс своих избирателей. Он уже стал основным препятствием для многопартийности и формирования идеологических основ демократии в России начала XXI в., поскольку сегодня чрезмерно выгоден олигархической верхушке для усиления авторитарных тенденций.

Характеризуя истоки и генезис партии власти и оппозиции второй половины 1990 – начала 2000-х гг. в истории России следует отметить три разновидности «партии власти»: 1) первоначально (до 1995 г.) эти функции выполнял «Выбор России» (Е. Т. Гайдар), затем (2) с 1995 г. – НДР («Наш дом Россия») – одна из первых известных в конце XX в. «партий» (политических движений) власти России (В. С. Черномырдин) и, наконец, (3) с 1999 г. – «Единство», которое реорганизовалось в сегодняшнюю «Единую Россию» (С. К. Шойгу, Ю. М. Лужков, М. Ш. Шаймиев, Б. В. Грызлов). «Апофеозом институционального экспериментирования и даже изобретательства в этой сфере можно считать, замечает А. И. Соловьев – реализацию проекта «Единая Россия» ...безо всяких программных манифестаций, организационных структур и прочих формальностей почти мгновенно превратилась в один из важнейших политических институтов правящего режима» [13, с. 322]. И далее известный российский политолог пишет: «такая ориентация одновременно и поддерживает деятельность всей «партийной» корпорации, позволяя ей занимать лидирующие политические позиции, и препятствует ее естественной эволюции в нормальную партию (т. е. способную занимать самостоятельные позиции). Ориентация на власть и полное ей подчинение – этот «родовой грех» «партии» – имел свою политическую цену, поскольку руководителям этого политического бренда так и не удалось сымитировать видимость оппозиционности власти (для установления более тесных контактов с населением) и хоть какой-то (хотя бы внешней) самостоятельности и автономности» [13, с. 324]. В итоге А. И. Соловьев отмечает, «иными словами, через «Единую Россию» власть конструирует гражданские запросы в соответствии с собственными приоритетами и предпочтениями правительственного курса. Так что новая «партия власти» до определенного времени выполняла не столько роль медиатора, сколько модератора партийного рынка» [13, с. 326], следовательно, всей российской многопартийной системы.

Таким образом, истоки и партогенез в России в конце 1990-х – начала 2000-х гг. благополучно пришел к прогнозируемому еще в начале XX в. М. Я. Острогорским и Р. Михельсом процессу складывания партийной олигархии. Правда, не все при этом политические партии одновременно подошли к этому барьеру своего развития и не всякую партию к этому допускают, но данная тенденция в целом имела место у большинства из них. Партии власти, прежде всего, отражают интересы правящей политической элиты и высших эшелонов россий-

ской бюрократии, но не имеют пока широкой поддержки со стороны рядовых избирателей. В этом плане они не стали «народными партиями» или «партиями всех» или «большинства россиян».

Однако не везде «партия власти» федерального уровня является «партией власти» региона. Практика показывает, что в некоторых регионах «партия власти» не всегда имеет успех на выборах [16]. Например, Астраханское отделение партии, руководимое О. В. Шеиным, добилось на парламентских выборах 2007 г. самого лучшего результата среди всех регионов России – 20,2 % голосов. В некоторых УИК в областном центре «Справедливая Россия» вообще добилась невозможного – заняла первое место, опередив «Единую Россию» [5, с. 110–113]. Более того, в Астраханской области на последних выборах депутатов Астраханского городского Совета в сентябре 2015 г. общая явка на выборах составила порядка 16 %, что говорит о пассивном отношении к выборам и к недоверию к федеральным политическим партиям. Также не все избиратели пришли в Архангельской области на выборы губернатора (явка 20,99 %), а в Новосибирской области явка составила всего лишь 29,1 % [9].

Необходимо отметить, что за 30 лет проводимых партийных реформ (с 1985 по 2015 г.) в России так и не появилось третьей реальной политической силы. Пока процесс идет по вектору: существующая власть и партии ее, поддерживающие и слабые, «ручные» оппозиционные партии. До сих пор нет другой силы – альтернативы, которая бы выступила с конструктивной оппозицией против власти (третий путь); это, видимо, будет признаком демократии в стране. Сказывается уменьшающийся и незначительный состав «среднего класса», который, в этом процессе должен являться основным фактором.

Партии только тогда станут влиятельной составляющей российского гражданского общества, когда формировать правительство будет победившая на парламентских выборах политическая партия на основе равной межпартийной конкурентной основе, а члены правительства и президент смогут быть членами партий и отстаивать их программные установки. А пока «партии власти» будут выстраивать «демократические основы российского общества» сверху, то вполне может случиться, так, как писал Р. Михельс о социалистах. «Партия как внешнее образование, механизм, машина вовсе не тождественна с партийными массами и уж тем более с классом. Партия это только средство достижения цели. Если же партия становится самоцелью, с собственными, особыми целями, то она целенаправленно отделяется от класса, который представляет». Поэтому в дальнейшем ... «могут победить социалисты, но не социализм, гибнущий в момент победы своих приверженцев» [1, с. 190–191].

Из всего этого следует, что колоссальная роль административного ресурса все же накладывает неблагоприятный отпечаток на развитие партий в России, что, как мы уже отмечали, отражается и на становлении демократии в России. И эта роль конкретно проявляется в попытках создания «партий власти», лишенных программных и идеологических ориентиров, искажающих развитие многопартийной системы.

Для достижения определенной ясности и перспектив в этом направлении следует, видимо, сделать некоторые выводы для обсуждения тех политических процессов, которые происходят в российском многопартийности на современном этапе:

1. Слабость партогенеза в постсоветской России, а, следовательно, и самой многопартийной системы обуславливается зависимостью соответствующих процессов от авторитарных тенденций исполнительной власти и весьма низким уровнем развития демократических институтов. Вследствие этого на большинстве действовавших в 1990-х – нач. 2000-х гг. политических партий лежит отпечаток структурно-функциональной незрелости их построения, а также низкого уровня политической культуры.

2. Взаимоотношение партийных и государственных элит в России строятся на принципах диктата властной вертикали. Партийные элиты демонстрируют стойкую неспособность создать новую самобытную партийную политическую идеологию, которая бы соответствовала требованиям своего времени.

3. Партийные элиты (за исключением «партии власти») испытывали и продолжают испытывать свою неустойчивость во властных структурах государства, что делают их идеологически и административно уязвимыми в противостоянии с элитой исполнительной власти. Данную тенденцию может изменить лишь интенсивное развитие институтов гражданского общества, в том числе идеологически ориентированные политические партии с прозрачной деятельностью самих партийных элит.

4. Дальнейшая либерализация и демократизация партийного строительства в России напрямую будет зависеть от зрелости гражданского общества. Пока в России не будут развиты институты гражданского общества, попытки исполнительной власти создавать «партии власти» будут повторяться регулярно по мере укрепления кадрового состава (актеров) самой элиты власти.

Список литературы

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. 1992. № 4.
2. Власть и народ в России: обновление повседневных практик и варианты универсализации институционального порядка. М., 2003.
3. Глебова И. И. Беспартийная власть и ее партийная организация // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции. М., 2004.
4. Голосов Г. Партийные системы России и стран Восточной Европы: генезис, структуры, эволюция. М., 1999; Пшизова С. Н. Какую партийную модель воспримет наше общество? // Полис. 1998. № 4. и др.
5. Гришин Н. В. Успех «Справедливой России» на парламентских выборах 2007 г. на территории Астраханской области // Социально-экономические проблемы современности. Астрахань: АФ МОСУ, 2007.
6. Дюверже М. Политические партии. М., 2000.
7. Истон Д. Политическая система. Антология политической мысли. М. 1977. Т. 2.
8. История государства и права зарубежных стран. М., 1998. Ч. 2.

9. Итоги выборов // Русская планета. Электронные данные. 14 сентября 2015 г. Режим доступа: <http://rusplt.ru/policy/itogi-itogov-18789.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (Дата обращения 20.09.2015).
10. Карабущенко П. Л. Проблема эффективности власти современной российской политико-административной элиты // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 1 (35). С. 170–183; Карабущенко П. Л., Усманов Р. Х. Влияние этнополитических процессов на современные реформы местного самоуправления (элитологический анализ) // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015. № 4 (59). С. 66–69.
11. Михельс Роберт. Социология политических партий в условиях демократии // Антология мировой политической мысли: в 2 т., М. 1997.
12. Политика. Электронные данные. Режим доступа: <http://regions.ru/news/2169526/29.09.2008> г., свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (Дата обращения 20.09.2015).
13. Соловьев А. И. Институциональные эксперименты в пространстве политической культуры: реалии российского транзита. // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции. М., 2004.
14. Де Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992; Вебер М. Избранные произведения. М., 1990; Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Диалог. 1990. № 3, 5, 9, 11, 13, 15, 17; 1991. № 3; Острогорский М. Демократия и политические партии: в 2 т. М., 1988, 1990; Дюверже М. Политические партии. М., 2000.
15. Усманов Р. Х. Политические партии и политические процессы (история, теория и современность). М., 2001; Усманов Р. Х. Региональный партогенез в политическом процессе современной России (Южный федеральный округ в 1990-е годы). М., 2002.
16. Усманов Р. Х. Региональный партогенез в политическом процессе современной России (Южный федеральный округ в 1990-е годы). М., 2002; Оськина О. И. Новая демократия и политическая культура современной России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. № 1. С. 61–67.
17. Sartori G. Parties and Party Systems: A Framework for Analysis. Cambridge, 1976.

References

1. Almond G., Verba S. Grazhdanskaya kultura i stabilnost demokratii. *Polis*, 1992, no. 4.
2. *Vlast i narod v Rossii: obnovlenie povsednevnykh praktik i varianty universalizatsii institutsionalnogo poryadka*. М., 2003.
3. Glebova I. I. Bespartynaya vlast i ee partiynaya organizatsiya. *Politicheskaya nauka v sovremennoy Rossii: vremya poiska i kontury evolyutsii*. Moscow, 2004.
4. Golosov G. Partiynye sistemy Rossii i stran Vostochnoy Evropy: genezis, struktury, evolyutsiya. Moscow, 1999; Pshizova S. N. Kakuyu partiynuyu model vosprimet nashe obshchestvo? *Polis*, 1998, no. 4 et al.
5. Grishin N. V. Uspekh "Spravedlivoy Rossii" na parlamentskikh vyborakh 2007 g. na territorii Astrahanskoy oblasti. *Sotsialno-ekonomicheskie problemy sovremennosti*. Astrakhan, Astrakhan Branch of Moscow Open Social University Publ., 2007.
6. Dyuverzhe M. *Politicheskie partii*. М., 2000.
7. Iston D. *Politicheskaya sistema. Antologiya politicheskoy mysli*. Moscow, 1977, vol. 2.
8. *Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnykh stran*. Moscow, 1998, part 2.
9. Itogi vyborov. *Russkaya planeta*. Available at: <http://rusplt.ru/policy/itogi-itogov-18789.html> (Accessed: 20.09.2015).
10. Karabushchenko P. L. Problema effektivnosti vlasti sovremennoy rossiyskoy politiko-administrativnoy elity. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura*, 2014, no. 1 (35), pp. 170–183; Karabushchenko P. L., Usmanov R. Kh. Vliyaniye etnopoliticheskikh protsessov na sovremennyye reformy mestnogo samoupravleniya (elitologicheskii analiz). *Nauka i obrazovanie: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatelstvo; pravo i upravlenie*, 2015, no. 4 (59), pp. 66–69.
11. Mikhels Robert. *Sotsiologiya politicheskikh partiy v usloviyakh demokratii. Antologiya mirovoy politicheskoy mysli: in 2 vol.* Moscow, 1997.
12. *Politika*. Available at: <http://regions.ru/news/2169526/29.09.2008> г. (Accessed: 20.09.2015).
13. Solovev A. I. InstitutSIONALnye eksperimenty v prostranstve politicheskoy kultury: realii rossiyskogo tranzita. *Politicheskaya nauka v sovremennoy Rossii: vremya poiska i kontury evolyutsii*. Moscow, 2004.
14. De Tokvil A. *Demokratiya v Amerike*. Moscow, 1992; Veber M. *Izbrannyye proizvedeniya*. Moscow, 1990; Mikhels R. *Sotsiologiya politicheskoy partii v usloviyakh demokratii. Dialog*, 1990, no. 3, 5, 9, 11, 13, 15, 17; 1991, no. 3; Ostrogorskiy M. *Demokratiya i politicheskie partii: in 2 vol.* Moscow, 1988, 1990; Dyuverzhe M. *Politicheskie partii*. Moscow, 2000.
15. Usmanov R. Kh. *Politicheskie partii i politicheskie protsessy (istoriya, teoriya i sovremennost)*. Moscow, 2001; Usmanov R. Kh. *Regionalnyy partogenez v politicheskom protsesse sovremennoy Rossii (Yuzhnyy federalnyy okrug v 1990-e gody)*. Moscow, 2002.
16. Usmanov R. Kh. *Regionalnyy partogenez v politicheskom protsesse sovremennoy Rossii (Yuzhnyy federalnyy okrug v 1990-e gody)*. Moscow, 2002.
17. Sartori G. *Parties and Party Systems: A Framework for Analysis*. Cambridge, 1976.